

«Это будет наиболее ценный подарок, который Вы сделаете нашей молодой партии...» (история создания учебного пособия для коммунистов Вьетнама)

Игорь Николаевич Селиванов,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета, Курск.

E-mail: sin@kursknet.ru

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассмотрен эпизод начального этапа истории советско-вьетнамских отношений, связанный с написанием по указанию И.В. Сталина учебного пособия для политических школ Вьетнама. Впервые в отечественной историографии исследована технология подготовки под руководством идеологических работников СССР политической книги, специально рассчитанной на зарубежную аудиторию, ориентированную на изучение марксистско-ленинского учения в эпоху «позднего сталинизма». Автор статьи сопоставил информацию по составлению учебного пособия для Вьетнама и написанию советскими обществоведами, под личным руководством Сталина, учебника политэкономии. При сравнении содержания двух текстов и многочисленных правок к ним удалось выяснить, почему к подготовке учебного пособия для коммунистов Вьетнама приступили более чем через год после распоряжения Сталина. Очевидно, что кремлёвские чиновники, ответственные за выпуск книги, чтобы не быть обвинёнными в искажении марксистско-ленинского учения, хотели сверить её содержание с указаниями Сталина, сделанными при создании учебника по политэкономии.

Автор пришёл к выводу, что данная работа была обречена на неудачу, поскольку в тот момент лидеры СССР не определились, что для них важнее: беспрекословное следование их политическому курсу вьетнамскими коммунистами или творческое применение марксистско-ленинской теории в соответствии со спецификой исторического развития Вьетнама.

Ключевые слова: история советско-вьетнамских отношений, история политической книги в СССР, Сталин, Хо Ши Мин.

“This will be the most valuable present you can give to our young party...”

(history of compiling a textbook for Vietnamese communists).

Igor’ Selivanov, Kursk State University, Kursk, Russia. E-mail: sin@kursknet.ru

Based on archive materials introduced to the academic environment for the first time, the paper reviews an episode of the initial stage of Soviet-Vietnamese relationships connected with writing a textbook for Vietnam’s political schools by order of I.V. Stalin.

For the first time in Russian historiography, the technology of preparing a political book intended specifically for foreign readers oriented to studying the Marxist and Leninist doctrine in the “late Stalinism” period. The paper’s author compared the information about compiling the textbook for Vietnam and writing a political economy textbook by Soviet social scientists under Stalin’s personal guidance. When comparing the contents and numerous revisions of two texts, the author managed to find out why the work on the textbook for Vietnam’s communists began more than a year after Stalin’s order. It is obvious that Kremlin officials in charge for the book’s release wanted to compare its contents with Stalin’s instructions given when creating the political economy textbook so as not to be accused of distortion of the Marxist and Leninist doctrine.

The author came to a conclusion that this work had been ill-fated because USSR leaders were not certain at that moment what was more important for them: Vietnam’s communists unquestionably following their political course or creative use of the Marxist and Leninist theory according to the specific nature of Vietnam’s historical development.

Key words: history of Soviet-Vietnamese relationships, history of political books in USSR, Stalin, Ho Chi Minh.

В настоящее время продолжает оставаться актуальным изучение степени советского идеологического влияния на государства, избравшие после окончания Второй мировой войны путь строительства социализма. Одна из таких стран — Вьетнам — почти столетие находилась под колониальным управлением Франции. В середине августа 1945 г. там к власти пришли национально ориентированные деятели, выдвинувшие своим лидером революционера-марксиста Хо Ши Мина, ставшего первым президентом Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Естественно, что новое государство вскоре попало в сферу геополитических интересов СССР.

С позиций наших сегодняшних представлений о той противоречивой эпохе можно по-разному оценивать роль «советского фактора» в исторических судьбах вьетнамского народа. Несомненно одно: изучая в комплексе различные проблемы истории сотрудничества ДРВ и СССР, можно составить объективную картину неоднозначных процессов, происходивших в те времена не только на международной арене, но и внутри советской партийно-бюрократической системы.

В данной статье начальный этап истории советско-вьетнамских отношений рассмотрен на примере, иллюстрирующем определённые субъективные трудности «приобщения» вьетнамских единомышленников к советской модели марксистского учения в том виде, в котором она сформировалась в последние годы жизни И.В. Сталина.

В период с августа 1945 г. по февраль 1950 г. ни о какой идеологической помощи СССР сторонникам Хо Ши Мина речи не шло. Ситуация существенным образом стала меняться после личной встречи двух лидеров. В ходе аудиенции советская сторона настояла на выходе вьетнамских коммунистов из нелегального положения и переименовании их партии в «партию трудящихся» или «рабочую партию». Сталин ссылаясь на

аналогичные прецеденты в «народно-демократических» государствах Европы и Азии: Албании, Венгрии, Польше, Корее и др. Об этом косвенно свидетельствует содержание письма Хо Ши Мина, которое он передал секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову перед своим отъездом из Москвы в феврале 1950 г. [4, с. 7].

Советское участие в идеологической поддержке сторонников Хо Ши Мина, после того как он отправился во второй половине февраля 1950 г. в Китай, а оттуда — к себе на родину, шло по двум основным направлениям: посылка в освобождённые от французов и сторонников Бао Дая районы Вьетнама различных пропагандистских материалов [3, с. 123—130] и подготовка обществоведами СССР специального учебного пособия, по которому предполагалось проводить политзанятия среди партийных активистов и бойцов Вьетнамской народной армии.

Впервые о необходимости такого пособия Хо Ши Мин заговорил в ходе личной беседы со Сталиным, но до практической реализации идеи в тот момент дело не дошло. Нельзя исключать, что просьба была высказана экспромтом, как реакция на информацию о жалобах оппозиционера Чан Нгок Дана, обвинявшего Хо Ши Мина в игнорировании опыта Советского Союза в идеологической сфере и в «ликвидаторстве» индокитайской коммунистической партии. Чан Нгок Дан в 1946—1949 гг. занимал должность главы представительства (Генеральной делегации) ДРВ во Франции, затем без согласования своего шага с руководством уехал в Прагу и написал несколько писем в Москву с политическими обвинениями в адрес Хо Ши Мина и его ближайшего окружения [5, с. 50—63].

Понимая, чем в тех условиях может грозить подобная «недооценка», президент ДРВ, чтобы разрядить обстановку, скорее всего, и высказал такое предложение, вызвавшее положительную реакцию «вождя народов». Хотя нельзя исключать (стенограмма той встречи, если она велась, до сих пор недоступна для исследователей), что с таким предложением мог выступить сам Сталин, а Хо Ши Мин лишь поддержал его, стремясь не возражать новому покровителю.

Перед отъездом из Москвы Хо Ши Мин написал в письме в ЦК ВКП(б), что Сталин «обещал заставить» (видимо, речь шла о советских обществоведах) написать на французском языке три учебные книги для вьетнамских политшкол различных ступеней объёмом, соответственно, 50, 100 и 150 стр. (рабочее название — «Азбука коммунизма»), которые впоследствии сами вьетнамские политработники дополнили бы «местными и конкретными примерами». Президент ДРВ высказал настойчивое пожелание «получить эти тома возможно скорее» [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 82].

Видимо идея создания «единого учебника», в котором была бы изложена «универсальная» и «единственно правильная» трактовка марксистско-ленинского учения в «советском духе», не давала покоя ни Москве, ни руководству Демократической Республики Вьетнам, переживавшему за своё вынужденное «отступничество» в 1945—1949 гг. от идеологических догм первого в мире социалистического государства.

На кону стояли помощь со стороны СССР в войне с Францией и официальное признание правительства ДРВ, поэтому Хо Ши Мин, видевший себя новым «мессией» для вьетнамского народа, в тот момент для достижения своих целей был готов пойти на любые идеологические компромиссы.

Он, видимо, считал, что одного лишь устного или письменного указания «вождя народов» советским идеологическим работникам будет достаточно, но явно не предполагал, с какой забюрократизированной системой (к слову сказать, детищем того же Сталина) ему придётся столкнуться. Хотя вполне вероятно, что сторонникам Хо Ши Мина в тех условиях для организации политзанятий в освобождённых районах хватало своих собственных и китайских пропагандистских материалов, а «настойчивая» просьба вьетнамского революционера была не более чем демонстрацией политической лояльности «московскому вождю».

Весьма показательно, что Хо Ши Мин не обращался к Мао Цзэду. Может быть, он считал, что в данном вопросе «советские товарищи» намного компетентнее китайских коллег. В пользу этой версии говорит и тот факт, что в 1951 г. в Пекин был направлен советский партийный идеолог философ П.Ф. Юдин для редактирования собрания сочинений Мао Цзэдуна, выход которых предполагался не только на китайском, но и на русском языке. Или же Хо Ши Мин не хотел продемонстрировать своим единомышленникам (многие из которых недолюбливали Китай и всё китайское) «промаоцзэдуновского» идеологического крена.

Также нельзя сбрасывать со счетов, что мог перевесить фактор «первенства» СССР в перспективах оказания ДРВ более существенной (по сравнению с КНР) военной и экономической помощи.

Тем не менее, верный себе «мастер компромиссов», Хо Ши Мин, чтобы сохранить некий паритет, попросил организовать политшколы на территории освобождённых районов именно китайских инструкторов (при этом запросив из Москвы специалистов такого же профиля [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 82]).

Рассмотрим данный вопрос, взяв за основу рассекреченные на сегодняшний день архивные материалы. Судя по их содержанию, координацию подготовительной работы возложили на председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяна, который 17 апреля 1950 г. в своём письме на имя И.В. Сталина предложил создать специальную комиссию, предварительно определив объёмы каждого из учебных пособий [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 90]. Григорьян разработал проект соответствующего постановления ЦК ВКП(б), предусматривавший, что комиссия в двухнедельный срок начнёт практическую подготовку изданий [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 91].

После этого Сталин через начальника своего секретариата А.Н. Поскрёбышева передал записку Григорьяна в секретариат В.М. Молотова, а уже тот перепоручил дело Сулову, в результате ставшему главным куратором проекта. Судя по всему, он и принял решение работать с каждым из трёх пособий не одновременно, а в соответствии со степенью сложности.

Исполнителей нашли достаточно быстро: это были имевшие опыт составления подобного рода учебных книг доктор экономических наук, известный популяризатор марксистского учения В.А. Карпинский и научный сотрудник Института экономики АН СССР В.Я. Васильева. По некоторым сведениям, в феврале 1950 г. последняя «готовила» приехавшего в столицу СССР вьетнамского революционера к встрече со Сталиным [1, с. 44—45].

Конечно, Хо Ши Мин, находясь в партизанском лагере на границе с Китаем, не подозревал, какую активную деятельность развернули московские чиновники от идеологии, и 14 октября отправил письмо Сталину, дошедшее до адресата, судя по сопроводительной записке министра иностранных дел А.Я. Вышинского, только 30 декабря 1950 г. Со свойственной ему непосредственностью вьетнамский вождь напомнил советскому лидеру: «Я надеюсь получить Книги, которые вы обещали написать специально для нас. Я переведу их сам. *Это будет наиболее ценный подарок, который Вы сделаете нашей молодой партии*» (выделено нами. — И.С.) [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 295. Л. 6].

В феврале 1951 г. Компартия Индокитай была преобразована в Партию Трудящихся Вьетнама (ПТВ), которая в статусе правящей начала работать в легальных условиях, поэтому необходимость создания учебного пособия для вьетнамских коммунистических политшкол ещё больше возросла.

Исходя из приложенной к письму Григорьяна на имя Сулова дополнительной информации, указание о необходимости подготовки рукописи Карпинский и Васильева получили 30 марта 1951 г., а уже в июне они представили свой текст во Внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП(б) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 2]. Следовательно, на подготовку пособия ушло не более трёх месяцев. В такие короткие сроки авторы, наверняка загруженные и по основному месту деятельности, могли пойти по более простому пути: взять за основу материалы своих более ранних работ аналогичного профиля.

Нельзя исключать и те обстоятельства, что приехавший из Праги в Москву в середине июня 1950 г. оппозиционер Чан Нгок Дан при встречах с представителями ВКП(б) мог сообщить много нелицеприятных фактов об «истинном» положении дел с идеологической работой в рядах вьетнамских коммунистов, и Хо Ши Мин хотел своим письмом упредить возможные обвинения со стороны Москвы в недооценке опыта СССР, объяснив всё «идеологической малограмотностью» своих сторонников, порождённой объективными причинами отрыва от «центра мировой революции». Но это лишь предположение, пока не подтверждённое соответствующими документами и свидетельствами, хотя оно может в какой-то степени объяснить ту тщательность, с которой подошли в Москве к составлению вроде бы рядового учебного пособия, придав ему статус чуть ли не канонического.

К слову сказать, в середине июля 1951 г. в московском Издательстве литературы на иностранных языках тиражом 150 000 экземпляров было

подготовлено семь выпусков аналогичного учебного пособия для политшкол Северной Кореи, как и Вьетнам, находившейся на переднем крае борьбы с «мировым империализмом», но никаких трудностей с его публикацией тогда не возникло [ГАРФ. Ф. Р-9614. Оп. 1. Д. 180. Л. 82].

Спустя почти полтора года после встречи И.В. Сталина и Хо Ши Мина, 3 августа 1951 г., Григорьян сообщил Суслову, что подготовленная Карпинским и Васильевой «в соответствии с указаниями ЦК» книга «просмотрена и признана в основном отвечающей требованиям начального обучения политграмоте», и попросил его указания передать текст на следующий уровень — в Отдел пропаганды и агитации ЦК (Агитпроп). Суслов карандашом поставил резолюцию для сотрудника: «Степанову. Прошу организовать квалифицированную помощь» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 1].

Одного указания Суслова оказалось мало, и 7 августа Григорьян направил записку аналогичного содержания на имя Молотова [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 153]. Вероятнее всего, Сталина по этому поводу решили не беспокоить.

В Агитпропе рукопись, получившую рабочее название «Политграмота», редактировали до октября 1951 г., а затем передали на доработку авторам [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 11].

Имеет смысл хотя бы кратко рассмотреть суть претензий партийных чиновников к представленному тексту. Первыми 4 июля 1951 г. откликнулись сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) Т. Морозова, Е. Ковалёв и И. Козлов, по мнению которых, авторы явно переборщили, живописуя ужасы капитализма. Например, такими пассажами: в государствах, где капитализм господствует, «крысы... кусают маленьких детей в люльках», а во Вьетнаме «народ... вынужден есть мышей, червей и насекомых». Карпинским и Васильевой явно подразумевалась та часть страны, которая находилась под контролем французов и режима Бао Дая.

По мнению Т. Морозовой, Е. Ковалёва и И. Козлова, авторам пособия следовало более чётко охарактеризовать новое идеологическое «открытие» советских чиновников: «о допустимости блока пролетариата с национальной буржуазией колониальных стран на платформе единого фронта под руководством рабочего класса». При чтении одной из глав у чиновников сложилось впечатление, что не обозначена разница между режимами народной демократии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и народно-демократическим строем в отдельных странах Азии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 15—16].

В конце июля того же года Козлов и Ковалёв внесли в своём новом письме на имя заместителя председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономарёва ещё несколько замечаний. Например, считали они, следовало выделить различия «между режимами народной демократии стран Европы и стран Востока», поскольку «авторы развили, но не сказали, что в странах Востока режим народной демократии ещё не является формой диктатуры пролетариата» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 12—13].

Этот вывод явно претендовал на ещё одно новое «открытие» в теории марксизма-ленинизма в той её интерпретации, которую назовут «сталинской», позднее он будет развит в ряде других работ советских обществоведов.

Сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) Д. Попов и Б. Покровский в своём отзыве от 9 октября 1951 г. констатировали, что, несмотря на общее положительное впечатление, «Политграмма» нуждается в «серьёзных изменениях и дополнениях и в своём нынешнем виде может быть принята лишь за основу». Так, по их мнению, недостаточно учитывались запросы и уровень читателя, на которого пособие было рассчитано. Интересно, по каким критериям московские чиновники от идеологии, имевшие самую поверхностную информацию о тех людях, определяли их уровень?

Тем не менее, писали названные выше сотрудники, в книге следовало более детально осветить национально-колониальный вопрос и вскрыть агрессивную, захватническую политику «империализма в отношении стран Востока», лучше показать роль революционной борьбы народов зависимых стран против империализма, являвшейся их единственным путём «освобождения от чужеземного гнёта» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 4].

Кроме того, Д. Попов и Б. Покровский считали, что в соответствующей главе необходимо продемонстрировать, как «народные республики Китая, Вьетнама и других стран Востока ведут политику, направленную в первую очередь против иноземного империализма и феодализма, а также раскрыть значение победного опыта Китайской народной революции для практики национально-освободительного движения в других странах Востока» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 9].

Глава, посвящённая расколу на два лагеря и борьбе народов за мир, по мнению рецензентов, слабо освещала мирную политику Советского Союза: авторы не рассмотрели политику «СССР в отношении Китая, Кореи, Вьетнама», «империалистическую политику США свели, главным образом, к агрессии против Кореи», совершенно не была «показана политика англо-американских империалистов в отношении Германии и Японии, не разоблачены правые социалисты и клика Тито».

В последней главе пособия, писали Попов и Покровский, анализировался исключительно опыт ВКП(б), а «следовало показать, как коммунистические партии других стран, руководствуясь опытом ВКП(б), строят свою борьбу и работу» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 9].

Текст редактировался и по линии Издательства литературы на иностранных языках, в котором планировалось опубликовать на французском окончательный вариант книги. Его директор П.П. Петров 23 ноября 1951 г. отправил Пономарёву замечания по тексту, подготовленные С.Л. Лозовским, заведующим редакцией общественно-политической и научной литературы издательства.

Также был приложен составленный Лозовским новый вариант текста одного из параграфов, по его и Петрова мнению, более удачный, чем у Карпинского и Васильевой [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 19].

Из содержания замечаний следовало, что в пособие авторам необходимо ввести отдельный параграф о возникновении частной собственности и классов, а также о разложении первобытнообщинного строя. Помимо этого рецензент советовал внимательно и точно отнестись к использованным историческим источникам, а также передать в издательство цифровые данные по странам капитализма с указанием, откуда они были взяты [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 20—23]. Спустя шесть дней, как следовало из резолюции на данном документе, Пономарёв передал эти замечания Козлову [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 19].

После внесения дополнений и изменений Карпинский и Васильева в январе 1952 г. вновь передали рукопись во Внешнеполитическую комиссию, сотрудники которой в очередной раз порекомендовали доработать пособие, теперь уже в свете появившихся к тому времени «Замечаний товарища Сталина по экономическим вопросам в связи с ноябрьской дискуссией 1951 г.» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 2].

Авторы снова принялись за работу и в апреле того же 1952 г. передали текст книги, напечатанный на пишущей машинке, в Издательство литературы на иностранных языках. Там его изучили и 7 мая предъявили Карпинскому и Васильевой новые замечания (снова подписанные Лозовским). Редактор констатировал, что прежние пожелания, сделанные в ноябре 1951 г., не были учтены при доработке рукописи. Кроме того, по его мнению, туда следовало внести новые дополнения о правых социалистах как агентуре в рабочем движении, а также о меньшевиках и эсерах в российском революционном движении.

Лозовский с недоумением спрашивал: был ли смысл сообщать иностранному читателю, что в центре Нью-Йорка 300 000 комнат не имеют окон, тогда как, очевидно, в этой части города вряд ли проживают американские трудящиеся. В общем, по его мнению, соответствующие разделы вновь следовало «подвергнуть дополнительной, более тщательной редакции» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 30—33].

Судя по всему, к тому времени никаких непосредственных межпартийных контактов между ВКП(б) и ПТВ не было, поскольку в тот же день, 7 мая 1952 г., в секретной записке на имя Григорьяна заведующий отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР М. Бахитов докладывал: в беседе с ним посол ДРВ Нгуен Лыонг Банг сообщил, что «при его отъезде из Вьетнама Хо Ши Мин и ЦК Вьетнамской партии Трудящихся дали ему указание установить контакт с ЦК ВКП(б). При этом Банг спросил о том, как это можно было бы осуществить на деле» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 951. Л. 29].

Трудно сказать, как повлияла записка на ход дальнейшей работы над пособием, которая явно проходила по «неспешному» графику. К концу августа 1952 г. Козлов, снова получивший рукопись (уже переработанную с учётом замечаний издательства), предложил Суслову вновь передать её авторам: они должны были дожидаться завершения работы XIX съезда партии, внести поправки в свете его решений и уже после этого представить окончательный вариант «руководству ЦК ВКП(б)» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 2].

Исходя из имеющихся на сегодняшний день рассекреченных архивных материалов, невозможно определённо сказать, поднимал ли Хо Ши Мин перед советским партийным руководством во время своей второй тайной поездки в Москву вопрос о степени готовности пособия (заказанного почти три года назад), но работа над учебником после отъезда вьетнамского лидера в конце ноября 1952 г. из СССР явно не продвинулась.

После очередного просмотра текста книги (уже после смерти Сталина), 10 июля 1953 г., Степанов и Козлов отправили письмо куратору проекта Сулову, из которого следовало, что после всех редактур «подготовленная тт. Карпинским и Васильевой рукопись книги не отвечает требованиям, так как книга подготовлена к печати исключительно на материалах истории КПСС и жизни Советского Союза, в ней не учитываются особые запросы вьетнамских слушателей политкружков, так как авторам самим не известны ни уровень подготовки, ни запросы этих слушателей» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 3].

При этом все уже забыли (или сделали вид, учитывая некоторую «неблагонадёжность» вьетнамских товарищей), что Хо Ши Мин ещё в середине 1950 г. обещал соответствующий «местный» материал предоставить.

Васильева к тому моменту уже не принимала участия в доработке рукописи. Все эти годы она параллельно с составлением и редактированием своих разделов «Политграмоты» занималась написанием докторской диссертации о распаде после Второй мировой войны колониальной системы, которую успешно защитила в 1954 г.

По этой причине партийные чиновники сообщали своему начальнику, что лишь один Карпинский «проводит работу над книгой, но ещё не закончил её, и нет достаточной уверенности в том, что после переработки книга будет отвечать предъявляемым к ней требованиям».

Заключительный вердикт также являлся весьма красноречивым: «В связи с тем, что работа над книгой задержалась, было бы целесообразно возвратиться к ней после представления т. Карпинским нового варианта рукописи». Через пять дней, судя по резолюции, письмо отправили в архив [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 3].

Вскоре Внешнеполитическую комиссию преобразовали в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями, а Григорьяна отправили в отставку. Первая индокитайская война уже шла к своему завершению, а вьетнамские партизаны так и оставались без базового пособия для политшкол, изучая азы марксизма-ленинизма по другим имевшимся в распоряжении материалам. Им было невдомёк, что московские чиновники от идеологии так «ответственно» отнеслись к порученному заданию, что просто его провалили. Зато сохранили «коллективное лицо», показав вышестоящему начальству эрудицию в области обществознания. При этом им было безразлично, что в далёком Вьетнаме ждали от советских товарищей «истинной» трактовки («с марксистско-ленинских позиций») исторического процесса и современного этапа развития человечества.

В результате вместо трёх книг, построенных, говоря современным языком, по «модульному» принципу, оказалась одна рукопись в 196 машинописных страниц (шесть печатных листов основного текста плюс многочисленные вставки и вклейки на 1,25 печатного листа) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 466. Л. 3, 34—221]. Она состояла из введения, заключения, восьми глав, разделённых на 38 параграфов, и была, по-видимому, уже никому не нужна. Рукопись отправили в архив, где до сих пор она и хранится, являясь своеобразным памятником эпохи, в которой содержанию идеологического пособия уделялось столь много места, что забывались нужды тех людей, которым оно собственно и предназначалось.

Возникает закономерный вопрос: какими были слушатели вьетнамских политшкол? Вот, например, свидетельство американского журналиста Д. Старобина, которому власти ДРВ в первой половине 1953 г. предоставили возможность посетить районы, находившиеся под их контролем. Там он и встретился с соответствующим контингентом. «Среди трёхсот слушателей, — писал Старобин, — в течение трёх зимних месяцев проходивших обучение в школе активистов, было шестьдесят представителей интеллигенции — мужчин и женщин. Это были деятели искусства, науки и представители свободных профессий. Они жили и учились бок о бок с сыновьями крестьян и рабочих, вместе с ними обсуждали планы предстоящей сельскохозяйственной кампании, принимали участие в развёртывании критики и самокритики. И инструкторы (политические руководители страны), и слушатели относились к ним очень тепло, ибо они представляют творческие и научные силы Вьетнама, которые так ценны сейчас, в период Сопrotивления, и будут так необходимы завтра, в период реконструкции страны» [6].

Исходя даже из этого частного эпизода, мы понимаем, почему временами столь неудачно складывались в советский период отношения чиновников от идеологии с представителями в какой-то мере зависимых от них коллег в других социалистических странах и родственных коммунистических и рабочих партиях.

Автор далёк от обобщений в данном вопросе. Безусловно, среди работников аппарата ЦК ВКП(б)/КПСС и различных идеологических учреждений СССР было много болевших за порученное дело специалистов, неформально относившихся к своей работе. Но, с другой стороны, трудно отделаться от мысли, что некоторые из советских идеологических работников в период работы над учебником для Вьетнама наверняка ощущали себя в роли непогрешимых носителей высших достижений «марксистско-ленинско-сталинской мысли».

Во многих колониально зависимых странах, где шла борьба за национальное освобождение, такие чиновники часто находили понимание со стороны местных коммунистических лидеров, для которых даже формальное «общение с Москвой» было дополнительным козырем в укреплении их влияния в народе. Тот же Хо Ши Мин, по словам Чан Нгок Дана,

строил свой авторитет во Вьетнаме именно на том, что объявил себя «человеком Коминтерна» [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 2], прибывшим из Советского Союза и с одобрения «далёкой, но такой близкой» Москвы осуществлявшим руководство местным национально-освободительным движением.

Таким образом, написание в Советском Союзе «Политграмоты» для Вьетнама по инициативе Хо Ши Мина и «по личному указанию» Сталина в глазах соратников лидера ПТВ было сродни созданию своеобразной «священной книги», в которой содержались ответы на любые волновавшие вьетнамский народ вопросы. Естественно, сам процесс «сочинения» также воспринимался действием сакральным, не терпящим торопливости, а советских идеологов в глазах местного населения можно было представить в виде «пророков», несущих «истинную» трактовку «единственно правильного» учения. Пока шла подготовка текста, моральный авторитет Хо Ши Мина мало кто из вьетнамских сторонников «просоветской» ориентации мог бы оспорить.

Смерть Сталина всё расставила на свои места: умер «великий вождь всего прогрессивного человечества», на которого делалась ставка «малым» вождём Хо Ши Мином, а сталинские преемники уже не выступали в столь сакральном качестве, что отчётливо показали события, связанные с подготовкой и проведением XX съезда КПСС. Попытки руководства ДРВ после его окончания сохранить в своём идеологическом арсенале хоть какие-то элементы сталинского идеологического наследия пресекались руководством СССР под угрозой прекращения оказания Вьетнаму материальной и военной помощи. В Ханое это вызывало всё нарастающее раздражение и стремление к поиску собственного, национального варианта марксистско-ленинской идеологии.

Необходимость в советском, тем более, «послесталинском» варианте «Политграмоты» сама по себе отпала. По распоряжению руководства ДРВ, стремящегося сохранить лицо, в Ханое переиздали для системы политучёбы «Историю ВКП(б). Краткий курс», переведённую на вьетнамский язык с советского издания 1950 г. [АВП РФ. Ф. 79. Оп. 25. Д. 6. П. 36. Л. 93].

В идеологическом плане, опять же в большей степени по тактическим соображениям, руководители ДРВ на протяжении следующих двух десятилетий стали склоняться к использованию опыта идеологической работы Коммунистической партии Китая. Правда, перессорившись во второй половине 1970-х гг. с лидерами КПК, руководители уже объединённого Вьетнама опять заговорили о «благотворности» советского опыта, а с распадом СССР вновь стали идеологически сближаться с Китаем.

Такой «маятник» предпочтений говорил о ярко выраженном политическом прагматизме вьетнамских лидеров, что в исторических условиях этой страны отнюдь не было каким-то негативным явлением. Скорее, наоборот, этот фактор позволял Вьетнаму за счёт Советского Союза

и Китая с относительным успехом решать свои насущные проблемы. После распада СССР у вьетнамских обществоведов появился новый повод гордиться «гибкостью» их лидеров в отношениях с некогда самой мощной социалистической державой.

Некоторые современные вьетнамские авторы и сегодня утверждают, что Хо Ши Мин, приехав в феврале 1950 г. в Москву, «открыл глаза» Сталину на истинное положение дел во вьетнамском революционном движении, о котором советский лидер вообще не имел сколько-нибудь объективного представления [См: 2, с. 21].

При рассмотрении этой темы напрашивается ещё один вывод, связанный со стремлением руководства СССР создать идеологически унифицированные учебники, в которых можно найти «единственно правильные» трактовки марксистского учения и исторического процесса. На практике это стремление стало воплощаться в начале 1936 г. и было связано с публикацией за подписями И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова составленных ещё в августе 1934 г. «замечаний» по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории зарубежных стран. Затем был «Краткий курс», ставший настольной книгой для членов большинства коммунистических и рабочих партий, но по объективным причинам не охвативший многие проблемы, имевшие большое значение уже в послевоенный период.

В мае 1950 г. Сталин напутствовал авторский коллектив учебника политической экономии для вузов СССР пожеланием, чтобы их труд, написание которого начиналось ещё в середине 1930-х гг., стал «образцом для всех» [6, с. 44—45].

В опубликованных в 1990-е гг. воспоминаниях одного из главных его разработчиков, Д.Т. Шепилова, подробно описаны перипетии выработки и редактирования текста, в котором принимал участие лично Сталин [8].

При сопоставлении «технологических» процессов подготовки двух учебных книг невольно напрашиваются аналогии, которые позволяют ответить ещё на один вопрос: почему к созданию «Политграмоты» приступили более чем через год после соответствующего указания Сталина? На наш взгляд, кремлёвские чиновники от идеологии ждали результатов работы над «главным» трудом, который курировал лично «вождь народов» («Политическая экономия. Учебник»), и уже по нему сверяли содержательную часть «Политграмоты». В тот период инстинкт самосохранения для них стал определяющим.

В данном контексте затянувшаяся по времени попытка создания учебного пособия с трактовками «единственно правильного учения» для одной из «перспективных» стран Востока, где руководящие позиции заняли коммунисты, выглядела вполне логичной и вписывалась в умонастроения «вождя народов».

На наш взгляд, деятельность всех причастных к созданию «Политграмоты» изначально была обречена на неудачу, поскольку лидеры Советского

Союза сами не определились, что важнее: беспрекословное следование их линии единомышленниками из Вьетнама и других государств мира или же «творческое» применение марксистско-ленинской теории в каждой конкретной стране. Последнее не предполагало навязывания там советских догм в общественных науках в безапелляционных формах, как это планировалось в случае с «Политграмотой».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ильинский М.М. Вьетнамский синдром. Война разведок. М.: Яуза, 2005. 672 с.
2. Кобелев Е.В. Российское вьетнамоведение сегодня: проблемы и задачи // Вьетнамские исследования. Вып. 1. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 12—25.
3. Конорева И.А., Селиванов И.Н. Советская идеологическая поддержка сторонников Хо Ши Мина в годы первой индокитайской войны // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 123—130.
4. Селиванов И.Н. Москва — Хо Ши Мин. Контакты 1950—1952 // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 3—13.
5. Селиванов И.Н. Чан Нгок Дан // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 50—63.
6. Сорокин А.К. Учебник должен быть «образцом для всех» // Родина. 2014. № 3. С. 84—91.
7. Старобин Дж. Вьетнам борется за свободу: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы, 1954. 79 с.
8. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. 611 с.
9. АВП РФ (Арх. внеш. пол. Российской Федерации).
10. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
11. РГАСПИ (Росс. гос. арх. соц-пол. ист.).

REFERENCES

1. Il'inskij M.M. *Vjetnamskij sindrom. Vojna razvedok* [Vietnamese syndrome. Intelligence war]. Moscow, Jauza Publ., 2005, 672 p. (In Russ.)
2. Kobelev E.V. Rossijskoe vjetnamovedenije segodn'a: problemy i zadachi [Russian Vietnamese studies today: problems and objectives]. *Vjetnamskije issledovanija*. Vyp. 1. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., 2011, pp. 12—25. (In Russ.)
3. Konoreva I.A., Selivanov I.N. Sovetskaja ideologicheskaja podderzhka storonnikov Ho Shi Mina v gody pervoj indokitajskoj vojny [Soviet ideological support of Ho Chi Minh's followers during the First Indochina War]. *Rossija i ATR*, 2012, no. 4, pp. 123—130. (In Russ.)
4. Selivanov I.N. Moskva — Ho Shi Min. Kontakty 1950—1952 [Moscow — Ho Chi Minh. Contacts 1950—1952]. *Voprosy istorii*, 2012, no. 8. pp. 3—13. (In Russ.)
5. Selivanov I.N. Chan Ngok Dan [Chang Ngok Dang]. *Voprosy istorii*, 2013, no. 4, pp. 50—63. (In Russ.)
6. Sorokin A.K. Uchebnik dolzhen byt' «obrazcom dl'a vseh» [A textbook must be a model for everyone]. *Rodina*, 2014, no. 3, pp. 84—91. (In Russ.)
7. Starobin Dzh. *V'etnam boretsja za svobodu* [Vietnam fighting for freedom]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoju literatury Publ., 1954, 79 p. (In Russ.)
8. Shepilov D.T. *Neprimknuvshij* [The Non-Joiner]. Moscow, Vagrius Publ., 2001, 611 p. (In Russ.)